УДК [351.761.1:94](47)»1914/19»

Букалова С.В.,

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления; кандидат исторических наук (Российская Федерация, Орел)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ТРЕЗВОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья освещает взаимосвязь между объявлением всеобщей мобилизации в августе 1914 года, прекращением торговли спиртным и волнениями мобилизованных. Подробно охарактеризованы основные этапы и механизм введения «сухого закона» в Российской империи. Также в статье прослеживается связь между государственной политикой трезвости и задачами общественной мобилизации, продиктованными мировой войной, выявляя особенности реализации «сухого закона» и общественной реакции на него.

Ключевые слова: первая мировая война, Российская империя, мобилизация, «пьяные бунты», политика трезвости.

Сон да баба, кабак да баня – одна забава![1]

Столетний юбилей начала первой мировой войны (1914–1918) актуализировал внимание научной общественности к этому периоду. Отечественный исторический опыт тех лет анализируется как с точки зрения уточнения причинно-следственных связей между войной и революцией, так и с прагматических позиций оценки стратегий мобилизации общества и обеспечения социальной стабильности в кризисных условиях.

Одной из новаций, сопровождавших участие России в первой мировой войне, стал т.н. «сухой закон». Его введение – прекращение казённой винной торговли, объявленное одновременно со всеобщей мобилизацией – привело к довольно драматичным последствиям, известным как «пьяные бунты» мобилизованных. В 43-х губерниях Российской империи произошли волнения на почве настойчивых требований призванных продать им спиртное для надлежащих проводов в армию. В ряде мест беспорядки привели к столкновению с властями, в ходе которых 247 участников волнений было убито и 505 ранено[2].

Необходимо отметить, что наиболее кровавые события произошли на периферии государства; к требованиям спиртного там добавлялись жалобы на плохую организацию мобилизации и призывы к властям обеспечить оставляемые семьи. В

советское время «пьяные бунты» зачастую оценивались как антисамодержавные и антивоенные акции, в современной историографии их нередко считают проявлениями стихийной анархичности народных масс. Всё же следует подчеркнуть, что алкогольная тема красной нитью проходила через все сценарии беспорядков, ставших неотъемлемой частью «настроения 1914 года» по-российски.

С большой долей вероятности можно утверждать, что волнения мобилизованных августа 1914 года нельзя рассматривать как реакцию на вступление Российской империи в первую мировую войну, искать в них антивоенные или же патриотические черты. Беспорядки не были ни следствием общего негативного отношения населения к воинской повинности, ни прямым следствием введения «сухого закона». Их следует трактовать как феномен массового поведения, вызванный актуальными для традиционного общества ментальными установками. Спиртное выступало как семантическая единица кода переходного обряда, маркирующего превращение крестьянина в солдата, «государственного человека». Отправляясь служить царю и Отечеству, крестьянин переходил из одного социального и экзистенциального состояния в другое[3]. Повсеместная актуальность этого ритуала для первых призывников августа 1914 года подчёркивает патриархальное отношение русского крестьянства к воинской повинности.

При этом остаётся вопрос: был ли «сухой закон» исключительно ситуативной и экстренной мерой мобилизации или логическим продолжением антиалкогольной политики императора и правительства?

В последнее время отечественные исследователи обратились к изучению различных аспектов «сухого закона» периода Первой мировой войны, при этом его разработка, реализация и эффективность опять-таки освещаются вне военного контекста.

Было бы упрощением рассматривать реализацию государственной антиалкогольной политики в годы первой мировой войны как введение «сухого закона». Становление «эры трезвости» проходило в несколько этапов, завершившись лишь в 1915 году.

Начать освещение данной проблемы следует с того, что с 1895 г. откупная система продажи питий заменяется государственной монополией на торговлю спиртным. В сельской местности продажа спиртных напитков осуществлялась через казённые винные лавки, торговавшие водкой (народ называл её «зелено вино»). В городах патенты на продажу алкогольной продукции приобретали рестораны, трактиры, пивные лавки, буфеты при клубах, театрах, городских садах. Бутылочные вина отпускались из ренсковых погребов, производивших их розлив. Кроме того, существовала нелегальная беспатентная торговля спиртным, произведённым на частных винокуренных заводах (шинкарство). Самогоноварение не было развито из-за технической сложности процесса и недостатка сырья. На дому приготовлялись лишь брага низкой степени очистки, слабоалкогольные квасы и морсы.

Постепенно пьянство стало заметным фактором, нарушавшим общественный порядок. В конце XIX — начале XX в. медицинские работники неоднократно проводили социологические опросы среди различных групп населения с целью выявления характера и форм потребления алкогольных напитков. С.А. Первушин, анализируя уровень потребления алкоголя разными категориями населения, пришел к следующему заключению: «Потребление спиртных напитков в больших городах в 4—4,5 раза больше крестьянского потребления»[5]. Так, в Тамбовской губернии на душу населения приходилось в городах — 1,46 ведра, в уездах — 0,50, то есть городское население потребляло на душу населения в три раза больше алкоголя, чем сельское[6]. Местная орловская пресса также отмечала, что хулиганские пьяные выходки молодёжи сделались особым явлением в жизни городов губернии.

Для большинства крестьян употребление алкоголя определялось не склонностью к выпивке, а устоявшимися общественными обычаями. Употребление спиртного носило обязательный характер при встрече гостя, во время церемониальной либо обрядовой трапезы, что приводило к бытовому и ритуальному пьянству[7]. Регулярно водку на селе пили единицы, как правило, сапожники, кузнецы, отходники, т.е. лица не связанные с аграрным трудом[8].

Хотя среди большей части населения России к началу XX века выпивка носила окказиональный характер, злоупотребления ею могли достигать впечатляющего размаха. На селе такие события, как ярмар-

ки или престольные праздники становились поводом для многодневного всеобщего пьянства. В ноябре 1914 года крестьяне села Подбелевцево Мценского уезда представили в помещении земства в пользу раненых инсценировку народной свадьбы со всеми обрядами и песнями, в том числе и со сценой «пьянки», которой отводилось немало места[9].

Доходы казны от продажи алкоголя неуклонно росли, как и общее количество потребляемого спиртного. Доля алкогольных доходов в государственном бюджете превышала 1\5, что вызывало не только нарекания общественности, но и обеспокоенность императора Николая II как поборника консервативных ценностей и народной нравственности.

В стране формируется антиалкогольное движение, включавшее в себя создание попечительств о народной трезвости и приходских обществ трезвости, проведение медицинских, экономических и социологических исследований, пропаганду трезвого образа жизни и вреда алкоголя, открытие «народных чайных» как альтернативных кабаку форм досуга. Почетным председателем Общества трезвости России стал великий князь Константин Константинович. Настаивавшего на сохранении алкогольной монополии В.Н. Коковцова сменил на посту министра финансов П.Л. Барк, предполагавший заменить «пьяные доходы» бюджета подоходным налогом и сохранивший свой пост даже во время «министерской чехарды» военных лет.

На этом фоне антиалкогольные мероприятия военного времени предстают логичным развитием одного из направлений государственной политики, а не сиюминутным волюнтаристским решением, вызвавшим массовые беспорядки и подорвавшим государственный бюджет.

Прекращение казённой винной торговли во время мобилизации являлось загодя подготовленным шагом, что выглядит весьма примечательно. Уже 17 апреля 1914 г. по всем губерниям России Министерство внутренних дел разослало секретный циркуляр, уведомляющий, что в случае начала военных действий необходимо полностью запретить торговлю водкой[10]. Военный министр В.А. Сухомлинов к маю 1914 года подготовил план закрытия всех питейных заведений, кроме ресторанов первого разряда, в районах мобилизации. В июне 1914 года он просил министра внутренних дел Н.А. Маклакова проследить, чтобы продажа алкоголя не велась во время мобилизации[11]. С 13 июля в Европейской России было введено в действие «Положение о подготовительном к войне периоде» а с началом мобилизации правительство ввело ограничения на продажу крепких спиртных напитков[12]. На этой основе уже во время войны начался новый этап реализации государственной политики трезвости.

По распоряжению МВД в соответствии с правилами проведения мобилизации продажа крепких напитков из частных заведений, казённых винных лавок и складов (за исключением ресторанов первого разряда, а также буфетов при собраниях и клубах) была полностью приостановлена до окончания всех мобилизационных мероприятий и назначения новых цен на вино. Одновременно, согласно циркулярному предписанию министра внутренних дел от 2 августа 1914 года, все губернаторы издали обязательные постановления, запрещавшие публичное распитие крепких напитков и появление в общественных местах в состоянии явного алкогольного опьянения. Запрещалось также хранение частными лицами крепких напитков с целью их сбыта[13].

2 августа 1914 г. правительство России издало постановление о прекращении продажи водки на период войны и о сосредоточении всего производства этилового спирта для технических нужд фронта и медицинских целей. Попутно запретили продажу денатурированного спирта в частных торговых заведениях и аптеках. Запрет казённой продажи водки на всё время войны был оформлен принятием закона от 16 сентября 1914 года.

Запрет на продажу прочего спиртного сначала вводился временно — до 1 сентября. Но перед окончанием срока его действия — 15 августа 1914 года — правительство вновь вернулось к вопросу о «сухом законе». Решением Совета министров от 25 августа 1914 года запрещение торговли крепкими алкогольными напитками было продлено до 1 октября. Под запрет попали продажа «спиртных напитков, рома, коньяка, ликеров, наливок и тому подобного» и «отпуск водочных изделий с водочных заводов и водочных складов». При этом с 16 августа 1914 года по распоряжению начальника Главного управления неокладных сборов была открыта продажа виноградных вин, исключая коньяки и ликёры.

С 1 ноября была разрешена продажа на вынос пива и портера[14].

Призывы к полному прекращению продажи вина и водки и введению «сухого закона» появились сразу же после первоначальной приостановки торговли крепкими напитками. Они исходили от священников, местной интеллигенции, обществ трезвости. В середине августа в Орле состоялось совещание с участием председателей органов земского и городского самоуправления, предводителей дворянства под председательством губернатора, которое приняло решение выступить с ходатайством о продлении прекращения торговли спиртными напитками до 1 декабря 1914 года[15].

Чуть позже всем общественным учреждениям было высочайше даровано право ходатайствовать о закрытии на подконтрольной им территории торговли не только крепкими, но и слабоалкогольными напитками. Положением Совета Министров 27 сентября 1914 г. городским думам и сельским обществам, а положением 13 октября того же года — и земским собраниям на время войны было предоставлено право запрещать торговлю спиртными напитками в местностях, находящихся в их ведении.

По ходатайству заинтересованных общественных учреждений о полном прекращении торговли спиртными напитками выносилось решение о прекращении таковой во всех без исключения местах продажи питей впредь до окончания военного времени. По ходатайствам сельских обществ, земских собраний и городских дум такое решение выносилось губернатором; ходатайства прочих учреждений поступали на рассмотрение министра внутренних дел[16]. Ходатайства представлялись на основе заключения городской или земской управы.

Первыми на эту инициативу откликнулись Петроградская и Московская городские думы, добившись полного прекращения продажи всяких спиртных напитков. Сложность вопроса состояла в том, что сборы за право алкогольной торговли составляли заметную часть бюджета органов самоуправления. Так, бюджет города Орла получал от выдачи разрешений на право торговли крепкими напитками 60 тыс. рублей в год[17]. При этом самоуправление не могло ограничить продажу алкоголя. Когда Орловская городская дума представила губернатору просьбу о запрещении торговли алкоголем в Орле за исключением трёх ресторанов первого разряда, клубов, трёх пивных лавок и трёх винных погребов, Губернское по земским и городским делам присутствие возвратило её как несоответствующую Положению о трактирном промысле: Городская дума не имела права запрещать торговлю одним заведениям, разрешая её другим.

Проистекающий от пьянства вред, равно как и намерения высшей власти, были настолько очевидны, что самоуправлениям не оставалось ничего иного, как просить о прекращении виноторговли. Так и в Орле, после третьей попытки рассмотрения этого вопроса, 8 января 1915 года было принято решение о желательности полного запрещения алкогольной торговли в городе. Перевес при баллотировке обеспечили голоса членов мещанского общества[18]. Брянское уездное земское собрание в 1915 году даже выступило с обращением о предоставлении земствам права ходатайствовать о запрещении алкогольной торговли после войны[19].

Одновременно с обращениями земских собраний к губернатору поступали заявления сельских сходов о ликвидации казённых винных лавок. До ноября 1914 года в губернии было расформировано 200 винных лавок, имелись заявления о ликвидации ещё 120-ти. После прекращения водочной торговли в губернии оставались открытыми 30 винных лавок, из которых осуществлялась продажа денатурированного спирта[20]. В целом же по России тотальный запрет продажи спиртного коснулся только 22% губернских городов и 50% уездных — в остальных была разрешена реализация вина крепостью до 16 градусов и пива[21].

Орловский губернатор поручил становым приставам и уездным исправникам изучить эффективность принятых мер и отношение к ним народа. В полицейских отчётах, представлявшихся дважды в месяц, отмечалось полное отрезвление деревни, сопровождавшееся лишь единичными случаями употребления нелегально добытого спиртного, самогона или суррогатов.

Председатель Елецкой земской управы указывал, что с закрытием винной торговли преступность всякого рода сократилась настолько, что отпала нужда в усиленном полицейском надзоре в слободах города Ельца[22]. Даже такие характерные для осеннего периода события, как престольные праздники и крестьянские свадьбы, прошли тихо, без ставших обычными буйств.

В то же время в народной среде периодически рождались слухи о том, что винные лавки будут открыты «в пользу раненых», и тогда перед лавками собирались целые толпы людей, в том числе специально пришедших издалека[23].

Обращает на себя внимание равнодушное отношение сельских жителей к виноградному («красному») вину, находившемуся в тот период в свободной продаже[24], что характеризует специфическую национальную традицию употребления спиртных напитков. Законом от 10 июля 1915 года населению разрешалось изготовление пива и браги для домашнего употребления, торговля самогоном оставалась наказуемой[25].

В итоге относительно потребления алкоголя в 1914 году общество разделилось на две части: зажиточные городские слои продолжали обладать доступом к благородным спиртным напиткам в ресторанах, клубах и буфетах. Для них ограничения выражались только в сразу же поднявшихся ценах на спиртные напитки и в запрещении появляться в нетрезвом виде на улицах. Уже во второй половине сентября Елецкая городская дума уполномочила городского голову возбудить ходатайство о запрещении продажи крепких напитков во всех местных клубах, которые утратили всякое общественное значение[26]. Среди простонародья сразу же появилась тяга к суррогатам, дававшим сильный одурманивающий эффект.

Окончательное изъятие крепких напитков из употребления расценивалось прессой как дарованная монархом милость, забота императора о здоровье и благосостоянии своего народа. Агитация за сохранение трезвости шла по двум направлениям: отказ от употребления водки должен был стать не вынужденным, временным действием (из-за отсутствия её в продаже), а осознанным выбором всего русского народа, во-первых, потому, что водка сама по себе приносит страшный личный и общественный вред, а во-вторых потому, что «народное отрезвление» соответствует царской воле и является, таким образом, священным долгом подданных.

Полное запрещение продажи крепких напитков было необходимой, но недостаточной мерой насаждения трезвого образа жизни. Достичь полной трезвости, апеллируя к народной сознательности, естественно, не удалось. Сразу же после прекращения торговли крепкими напитками появляются случаи самых разнообразных злоупотреблений. В Ельце при проведении первой мобилизации были замечены пьяные ратники ополчения. Выяснилось, что прибыв в город, они покупали и употребляли политуру, одеколон, киндер-бальзам. Все елецкие торговцы и аптекари были предупреждены полицией о недопустимости продажи ратникам спиртосодержащих товаров[27]. У младшего медицинского персонала в Орле было возможно достать медицинский спирт. Подобная ситуация была характерна для всех населённых пунктов губернии, причём главным заменителем водки сделался денатурированный спирт. Были изобретены различные способы его перегонки для освобождения от денатурирующей добавки. Денатурат разбавляли квасом, пропускали через хлебные или лимонные корки. Только за период до конца 1914 года газеты сообщают о 6-ти случаях смерти от употребления денатурата и о нескольких отравлениях[28].

На чинов акцизного управления возлагалась задача борьбы с нарушителями «сухого закона». Им предписывалось как можно чаще объезжать свои участки, заводить связи среди сознательного местного населения с целью обнаружения и пресечения тайного изготовления любых спиртосодержащих напитков, нелегальной продажи спирта, вина и пива с существующих заводов. Служащие акцизного надзора должны были следить за продающимися на базарах и ярмарках напитками и при возникающем подозрении направлять их образцы на исследование в Губернскую химическую лабораторию.

Борьба с самогоноварением также лежала на окружных и участковых надзирателях акцизного ведомства. Управляющий акцизными сборами требовал от своих подчинённых дважды в месяц представлять ему сводки о тайном винокурении и недвусмысленно давал понять, что если действия полиции в этом направлении окажутся более успешными, это отрицательно скажется на службе участкового надзирателя[29].

В середине 1915 года к борьбе за сохранение трезвости пришлось присоединиться губернатору. Обязательное постановление, изданное им 15 июля 1915 года, обращало внимание на все те порочные черты, которые успели проявиться в данном вопросе. Постановлением запреща-

лось: продавать без разрешения всякого рода крепкие напитки, изготавливать и сбывать любые алкоголесодержащие напитки, продавать в аптеках без рецепта спиртосодержащие лекарства и спирт, продавать и хранить киндер-бальзам в других торговых заведениях, помимо аптек. Без разрешения полиции нельзя было торговать лаком и политурой. Запрещалось даже хранить их где-либо, кроме москательных лавок в количестве, превышающем повседневные нужды. Запрещалось освобождать денатурированный спирт от денатурирующих веществ с целью улучшения его вида и вкуса и приготовления из него крепких напитков[30].

Через год новому орловскому губернатору Арапову пришлось вернуться к этой же теме. Он отмечал, что со всех сторон слышит жалобы на развивающееся среди населения пьянство, что подтверждается его личными наблюдениями и перепиской, идущей в губернаторской канцелярии по поводу нарушения соответствующих обязательных постановлений. Губернатор призвал чинов полиции с энергией и усердием бороться с пьянством, чего требует от них не только служебный, но и патриотический долг[31].

Таким образом, народная трезвость контролировалась одновременно полицией и акцизным надзором. Имели место разнообразные и довольно распространённые нарушения «сухого закона», но всё же можно говорить о резком снижении употребления алкоголя.

Мы видим, что «сухой закон» устанавливался в каждой местности самостоятельно. Введение его шло с двух сторон: от имени высшей власти и по инициативе местного самоуправления. Несмотря на тотальное закрытие казённых винных лавок, в ряде местностей спиртное оставалось легально доступным в прочих заведениях (ресторанах, буфетах). Было разрешено и домашнее изготовление спиртных напитков. Соответственно, применительно к ситуации с продажей и потреблением алкоголя в России в годы Первой мировой войны «сухой закон» может применяться как расширительное наименование политики трезвости.

Введение «сухого закона» укладывалось в общее русло российской идеологии военных лет, но она не была чётко артикулирована высшими государственными институтами, что отразилось и на кампании трезвости, которая осталась скорее запретительной мерой, чем патриотическим актом.

Современники придавали наступившей трезвости большое значение в нарушении товарообмена между городом и селом, говоря о возросшем благосостоянии крестьянина, которое избавляло его от необходимости продавать свой урожай для уплаты налогов. Резкое падение потребления алкоголя вело если и не к повышению благосостояния крестьян, то к росту их хлебных запасов, своеобразным доказательством чего может служить беспрецедентный всплеск самогоноварения в Советской России, основывавшийся на этих запасах крестьянского хлеба[32].

Библиографический список

Даль В.И. Кабак // Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка. Под редакцией В.П. Бутормеева. М.: Белый город, 2007. С. 313.

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). Москва—Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. 304 с.

Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Т.23. 1947. С. 3—43.

Бондаренко В. «Сухой закон» в Российской империи в 1914 году [Электронный ресурс] // Вино. Всё о вине [сайт]. [2014]. URL: http://winetalk.ru/market/"suxoj-zakon"-v-rossijskoj-imperii-v-1914-godu#more-1536 (дата обращения: 25.08.2014)

Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 678 с.

Корчагина Г.А. и др. Об истории развития антиалкогольного законодательства в России //Вопросы наркологии. № 2. 2013. С. 106—119.

Мак-Ки А. «Сухой закон» в годы первой мировой войны: причины, концепция и последствие введения «сухого закона» в России: 1914—1917// Россия и первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., Дмитрий Буланин, 1999. С. 147—160.

Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. М., 1997. С. 124—135.

Первушин С. А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб, 1912. 285 с.

Питьё // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2011. С.366.

Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2013. 224 с.

Щербинин П.Н. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914—1918 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. Т. 1. № 2. С. 62—72.

Referens

Dal V.I. Pub // Illustrated vocabulary of the vivid Russian language. Moscow., 2007. P. 313.

Bezgin V.B. Peasant's everyday life. Moscow-Tambov, 2004. 304 p.

Berkevich A.B. Peasants and the general mobilization in the July 1914 // Historic notes. Vol. 23. 1947. P. 3—43.

Bondarenko V. «Dry law» in Russian empire in 1914. URL: http://winetalk.ru/market/"suxoj-zakon"-v-rossijskoj-imperii-v-1914-godu#more-1536

Buldakov V.P. Red distemper: Substance and results of the revolution violence. Moscow., 1997. 678 p.

Korchagina G.A. To the history of the prohibition law in Russia // Questions of narcology. № 2. 2013. P. 106—119.

McKee A. «Dry law» during the World War I: reasons, conception and results // Russia and the World War I. St. Petersburg, 1999. P. 147—160.

Pavluchenkov S.A. Russia's mirth: revolution and moonshine // Revolution and the human being. Moscow., 1997. P. 124—135.

Pervushin S.A. Essay of the theory of the mass alcoholism in the connection with the theory of the x St. Peterburg 1912. 285 p.

Beverage // Slavic mythology. Encyclopedic vocabulary. Moscow, 2011. C.366.

Chagadaeva O.A. «Dry law» in Russian Empire during the World War I (on the materials of Moscow and St. Peterburg). Ph.D. thesis. Moscow., 2013. 224 p.

Scherbinin P.№. Alcohol in everyday life of Russian province during the World War I 1914—1918 // Chelyabinsk state university herald. 2003. Vol. 1. № 2. P. 62—72.

[1] Даль В.И. Кабак // Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка. Под редакцией В.П. Бутормеева. — М.: Белый город, 2007. С.313.

[2] Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Т. 23. 1947.

С.40.

[3] В этом я согласна с В.П. Булдаковым. См.: Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 42.

[4] Николаев А.В. Антиалкогольная кампания в России 1894—1917 годов: исторический опыт решения проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». — Вып. 28. ^ = Челябинск, 2008. № 35 (136). С. 68.

Он же. Антиалкогольные кампании во время первой мировой войны // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия "История». Вып. VI. Тольятти, 2004. С. 84—88.

Пашков А.Е. Антиалкогольная кампания в России в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. №10. С. 80—93.

Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. №4. С. 126—139.

Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы). Дисс. ... канд. ист. наук. ^ = М., 2013.

[5] Первушин, С. А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей / С. А. Первушин. СПб, 1912. С. 13

[6] Щербинин П.Н. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период первой мировой войны 1914—1918 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. Т. 1. № 2. С. 62—72.

[7] Питьё // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2011. С. 366.

[8] Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). Москва—Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. С. 170, 172.

[9] Орловский Вестник, 2 ноября 1914.

[10] URL: http://winetalk.ru/market/"suxoj-zakon"-v-rossijskoj-imperii-v-1914-godu#more-1536

[11] Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствие введения сухого закона в России: 1914 – 1917// Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., Дмитрий Буланин, 1999. С. 151

[12] Корчагина Г.А. и др. Об истории развития антиалкогольного законодательства в России //Вопросы наркологии. № 2. 2013. С. 106 – 119.

[13] ГАОО, ф. 580, ст. 2, д.5886, л.88. Циркуляр губернатора начальникам полиции. 30 июля 1914.

[14] Там же, д. 5886, л. 108.

[15] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 586, л. 7об. Журнал заседания Карачевского чрезвычайного уездного земского собрания.

[16] Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО), ф. 2, оп. 1, д. 570, л. 158. Доклад Мценской городской управы. 16 ноября 1914.

[17] ГАОО, ф. 2, оп. 1, л. 326. Журнал заседания Орловской городской думы за 10 дек. 1914.

[18] Орёл, 9 января 1915.

[19] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 648, л. 24.

[20] ОВ, 25 окт. И 6 ноября 1914.

[21] Чагадаева О.А. Ук. соч. С. 31.

[22] ГАОО, ф. 2, оп.1, д. 585, л. 17об.

[23] Орловский Вестник, 20 августа, 26 октября 1914.

[24] ГАОО, ф. 580,ст. 2: материалы дела 4392.

[25] ГАОО, ф. 580, ст. 2, д. 4619, л. 1 – 2. Циркуляр Департамента полиции. 8 июня 1916.

[26] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 559, л. 314об. 24 сент. 1914.

[27] ГАОО, ф. 580, ст. 1, д. 5962. Рапорт Елецкого полицмейстера. 3 авг. 1914.

[28] Орловский Вестник, 18 и 27 августа, 6 и 17 октября, 23 декабря 1914. Орёл, 1 октября и 7 декабря 1914.

[29] ГАОО, ф. 580, ст. 1, д. 5962., л. 4 – 4об. Циркуляр управляющего акцизными сборами. 13 марта 1915.

Там же, л. 34. Циркуляр управляющего акцизными сборами. 29 апреля 1915.

[30] ГАОО, ф. 851, оп. 2, д. 148,л. 126.

[31] ГАОО, ф. 580, ст. 2, д. 4606, л. 112. Циркуляр Орловского губернатора. 3 мая 1916.

[32] См., например: Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон. // Революция и человек. М., 1997. С. 124 – 135.

Bukalova S.V., e-mail: STL1612@yandex.ru, Russian Presidential Academy of №ational Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Associate Professor at the Department of Political Science, State and Municipal Administration, Candidate of Historical Sciences (Russian Federation, Moscow)

STATE POLICY OF ABSTINENSE DURING THE WORLD WAR I

The article covers the relationship between the general mobilization in the August 1914, cease of alcohol trading and recruits' excitements. Main steps and the mechanism of prohibition are characterized in detail. Also in the article retraces the connection between the state policy of abstinence and the tasks of total social mobilization, which was set by the Great War. The author elicits peculiarities of the realization of prohibition policy and the social reaction to it.

Keywords: World War I, Russian Empire, mobilization, drunken brawls, policy of abstinence